

Е.Е. Савицкий

ДЕКАДЕНТСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИМПЕРСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: НИДЕРЛАНДСКАЯ ИНДИЯ 1890-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ РУССКОГО КОНСУЛА*

Аннотация. В статье рассматривается специфика восприятия российским консулом М.М. Бакуниным Нидерландской Индии 1890-х годов, а также значение опыта пребывания в этом регионе для конструирования автором образа российской имперской идентичности. В качестве основного источника используется книга Бакунина «Тропическая Голландия» 1902 г. На примере описаний природы острова Ява и различных частей Батавии исследуется специфика повествования Бакунина по сравнению с более ранними ориенталистскими текстами, проявляющаяся в использовании депрессивной декадентской эстетики, в нарочитом внимании к картинам упадка, разложения, гниения, в выстраивании образов опустошенных пространств, болезнетворности всего окружающего. Описания различных аспектов повседневной жизни голландцев, таких как еда, одежда, формы досуга, телесные практики и т.п., позволяют выявить влияние теории дегенерации М. Нордау на осмысление Бакуниным колониальной политики. Трактовка темы вырождения в колониях у Бакунина сопоставляется с ее обсуждением в голландских текстах того времени, исследованных Э.Л. Стоулер, а также с российским контекстом рецепции идей дегенерации, исследованным Р. Николози. Особое внимание уделяется определению Бакуниным места русского наблюдателя в колонии, который противопоставляется как туземцам, так и местным голландцам, но также и англичанам с их колониальными практиками. Отмечается, что наряду с обычными для колоний иерархиями неевропейцев Бакунин склонен выстраивать и иерархии европейцев. При этом российский наблюдатель оказывается тем, кто способен к таким суждениям, может выступать эталоном европейскости. Делается вывод о значимости опыта пребывания в Нидерландской Индии для создания Бакуниным образа российской культуры как европейской.

Ключевые слова: Нидерландская Индия; Батавия; Россия; Модест Бакунин; дегенерация; имперская идентичность; колонии; расизм; история.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00135-П).

Савицкий Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук,
доцент, Российский государственный гуманитарный университет;
старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН,
Москва. E-mail: savitski.e@rggu.ru

E.E. Savitskiy. Decadent Aesthetics and Imperial Identities: Netherlands Indies of the 1890s as Seen by the Russian Consul

***Abstract.** Describing the diplomatic service of the Russian consul, M.M. Bakunin, in the Netherlands East Indies in the 1890s, the article focuses on two themes – on the peculiarities of Bakunin's perception of the colony's life and his understanding of the Russian imperial identity. The main source of the paper is Bakunin's book «Tropical Holland» (1902). Looking at Bakunin's descriptions of the nature of Java and various parts of the settlement of Batavia, the author identifies the characteristic features of Bakunin's narrative in comparison with earlier orientalist texts. This peculiarity manifests itself in the use of gloomy decadent aesthetics, in deliberate attention to the pictures of decline and decay, in the images of empty spaces and morbidity of everything around. Bakunin's description of various aspects of Dutch everyday life, such as food, clothing, leisure activities, bodily practices, etc., suggests that in his thinking on colonial politics the Russian consul was under the influence of M. Nordau's theory of degeneration. The theme of degeneration in Bakunin's book is also compared to its presentation in the Dutch texts of the time, studied by A.L. Stoler, and the Russian reception of degeneration ideas, explored by R. Nicolosi. Particular attention is paid to the way Bakunin defined the place of the Russian observer in the colony, this place being opposed both to the natives and the local Dutch, but also to the British with their colonial practices. What's also noteworthy is that, along with the hierarchies of non-Europeans usual for colonies, Bakunin attempted to define the local hierarchies of Europeans, in which the Russian official comes very close to a standard of Europeanness. By this token, concludes the author, the Russian diplomat constructed the image of Russian culture as a European one.*

***Keywords:** Netherlands East Indies; Batavia; Modest Bakunin; degeneration; imperial identity; colonies; racism; history.*

Savitskiy Evgeniy Evgen'evich – PhD, Russian State University
for the Humanities, Associate Professor; Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; Moscow.
E-mail: savitski.e@rggu.ru

Благодаря исследованиям Э.Л. Стоулер [Stoler 1994; Stoler 2002] Нидерландская Индия в последние десятилетия стала предметом интереса не только специалистов по голландской колониальной политике, но и исследователей в других областях. Особенно знаменитой стала критика Стоулер «Истории сексуальности» М. Фуко за ограничение исследования рамками Европы, так что неучтенным оказалось влияние колониального опыта. В научных работах с середины 1980-х годов Стоулер стремилась показать, что сексуальность

оказывалась средством артикуляции властных отношений в колониях (например, борьба за нравственность европейских мужчин была связана с ужесточением расовой сегрегации, а оспаривание этой сегрегации то и дело воспринималось как угроза нарушения норм сексуальной морали). В других исследованиях, итогом которых стала книга о колониальных архивах [Stoler 2009], Стоулер затрагивала проблему «колониальной нервозности». Полемизуя опять же с Фуко, Стоулер рассматривала колониальные архивы не столько как воплощение связки знания и власти, сколько как места умолчаний, которые могли быть как намеренными, связанными с политической цензурой, так и непреднамеренными, из-за того, что не все оказывалось именуемо в языке голландской колониальной администрации, постоянно ускользало от попыток классификации, создавало напряжение в работе колониальных служащих. Таким образом, в духе деконструктивистской теории Стоулер стремилась сделать предметом исследования не только то, что присутствует в источниках, но и то, что в них отсутствует, при этом такие «отсутствия» трактовались как активная сила, вмешивающаяся в функционирование колониального знания и способствующая постепенному разрушению колониальной власти.

Работы Стоулер основаны на изучении материалов голландских и ряда других западноевропейских колониальных архивов. Однако источники об этом периоде и регионе существуют также на востоке Европы, в частности к таким текстам относятся записки Модеста Модестовича Бакунина (1848–1913), российского консула в Батавии в 1894–1899 гг. До сих пор записки Бакунина малоизвестны в международном исследовательском сообществе. Между тем в последние годы отмечалась ошибочность представлений о российской колониальной культуре как о вторичной по отношению к западноевропейской [Джераси 2013]. Указывалось, что российская колониальная история подверглась как бы двойной цензуре: с одной стороны, в СССР избегали говорить о колониальных аспектах собственной истории, предпочитая сводить все к классовым противоречиям (традиция таких умолчаний во многом сохраняется и в постсоветской России); с другой – западные исследователи, часто симпатизируя СССР и его помощи антиколониальной борьбе неевропейских народов, также избегали касаться российского колониального прошлого или настоящего [Эткинд 2013, с. 25–45]. В результате лишь относительно недавно встал вопрос о том, в какой мере применим к России опыт индийских «исследований угнетенных» («Subaltern studies») или исследований ориентализма Э. Саидом [Саид 2006]. Так, Р. Джераси отмечал, что русские в конце XIX в. не могли быть так же уверены в своей принадлежности к Западу, как англичане или французы, и эта неуверенность делала нестабильными ориенталистские противопоставления, что противоречит модели жестких дуальных структур у Саида [Джераси 2013, с. 243–274]. Особым

предметом рассмотрения стала связь российской колониальной культуры с модернистскими и антимодернистскими направлениями в художественной культуре того времени [Шевеленко 2017, Савицкий 2017]. В контексте таких историографических дискуссий свидетельства русского консула в Батавии оказываются ценным источником, позволяющим увидеть специфику взгляда российского чиновника на голландскую колониальную повседневность.

Прежде чем перейти к самим запискам Бакунина, изданным в виде книги «Тропическая Голландия: Пять лет на острове Ява» в 1902 г. [Бакунин 2007], следует сказать несколько слов о том, как этот человек оказался в Батавии. И до него, и после обязанности русского консула там исполняли местные голландцы, направление в этот регион чиновника из России было необычным. Это можно связать, с одной стороны, с возросшим под конец правления Александра III интересом к Юго-Восточной Азии, а с другой – лично для Бакунина назначение в Батавию было своего рода ссылкой, о чем он не раз прямо говорит в своей книге. Довольно долго, с 1880 по 1893 гг., Бакунин был генеральным консулом в Сараево, но был отозван в Россию после конфликта с австрийскими властями. Таким образом, у Бакунина был некоторый опыт дипломатической работы, но у него не было специфических навыков и интересов, которые бы подготовили его к работе в Нидерландской Индии. Как отмечает сам Бакунин, даже попытки получить накануне отъезда хоть какие-то сведения о регионе в посольстве Нидерландов оказались малопродуктивными: «Я наивно полагал, что в нидерландской миссии в Петербурге тамошние голландцы непременно должны знать и передадут мне все, что касается Батавии. Но ни посланник, ни секретари никогда там не бывали, они сообщили мне лишь, что Ява – голландская колония, весьма отдаленная, и что там везде ужасно жарко» [Бакунин 2007, с. 60]. Тем не менее Бакунин читал имеющуюся в Петербурге литературу о Нидерландской Индии, хотя позднее весьма критически о ней отзывался, и даже попытался уже на пароходе освоить малайский язык.

Начинается «Тропическая Голландия» с описания прибытия в Батавию и первых впечатлений от незнакомой земли, что довольно обычно для рассказов о путешествии на Восток. Бакунин и следует имеющимся образцам, и намеренно отклоняется от них. Так, он пишет: «28 апреля 1894 года пароход Godavery французских Messageries около 5 часов утра подходил к порту Батавии Танджунг-Приоку. <...> Я, в числе прочих своих товарищей по плаванию, стоял давно одетый на палубе и, может быть, с большею интенсивностью, чем остальные пассажиры, усиленно смотрел в сторону еще отдаленного дебаркадера. Мне еще в Европе наговорили столько чудес о Яве; мои голландские спутники на “Мельбурне” и “Годавери”, в свою очередь, так восторженно отзывались о Батавии, этой, по их словам, “королеве и жемчужине дальнего Востока”, что я ожидал, на первых же порах, увидеть нечто

необычайное, какую-то феерию, в сравнении с которой несомненно живописные и часто величественные виды на острове Цейлоне и в Сингапуре должны были казаться грубо скомпонованной декорацией какой-нибудь второстепенной провинциальной сцены. Но как я ни напрягал зрение среди полумрака, <...> никак не мог различить береговой линии, на которую мне тщетно указывал капитан» [Бакунин 2007, с. 16]. Позднее, когда совсем рассвело, Бакунин также, «к сожалению своему, увидел немного больше, так что-то смутное и неопределенное впереди, которое можно было одинаково принять за облако или опушку леса. <...> Но я впоследствии очень легко скоро утешился, когда оказалось, что, собственно говоря, и смотреть-то было не на что» [там же, с. 16–17]. Таким образом, автор и при первом взгляде, и при втором на остров Яву не видит ничего, ничего определенного. Путешествие начинается с глубокого разочарования как для самого путешественника, так и для читателя, которому автор не может предложить каких-либо красочных и заслуживающих внимания картин.

Подобное разочарование при виде реальной далекой страны довольно обычно для описаний путешествий на Восток, так что Э. Саид писал даже о топосе «преданной мечты», особенно у романтиков [Саид 2006, с. 157]. Это разочарование, однако, могло иметь различные оттенки значений и по-разному использоваться авторами для выстраивания повествований. Так, прибывший на корабле в Египет и добравшийся, наконец, до Каира Ж. де Нерваль сначала удрученно бродит по серым улицам, с грустью думая о том, что здесь придется провести не один месяц. Унылый вид города повергает его в отчаяние. Но затем оказывается, что серость Каира подобна серости покрывал восточных женщин, которые вовсе не представляют собой «столь неодолимое препятствие, как полагают» [Нерваль 1986, с. 22], и за ними скрываются подлинные сокровища Востока. Изначальное разочарование делает еще более возбуждающим обнаружение сокрытого. Теофиль Готье в своем очерке «Константинополь» также обращается к эротическим намекам, чтобы, однако, признать вскоре, что никаких скрытых прелестей ему обнаружить так и не удалось: «Первое, о чем спрашивают путешественника, вернувшегося с Востока, – это “А каковы там женщины?” Каждый отвечает с лукавой улыбкой, таинственной в меру своего тщеславия, намекая на изрядное количество любовных походов. Как бы ни страдало мое самолюбие, я скромно признаюсь, что лишен возможности совершить подобную нескромность, и сколь это ни прискорбно, мой рассказ не будет украшен романтической историей...» [Готье 2000, с. 199]. Тем не менее в итоге Готье все-таки вознаграждает своего читателя красочным описанием диковинных свадебных обычаев турок и их домашней жизни.

Таким образом, уже у более ранних европейских авторов была своеобразная конкуренция в использовании топоса разочарования, и текст Бакунина

отличается тем, что разочарование в нем оказывается особенно длительным. Не только побережье, но и сам порт и природа вдоль железной дороги, ведущей от порта к Старой Батавии, оказываются удручающими: «Поезд подвигается вперед с весьма умеренною быстротою, и вы из своего безопасного убежища можете довольно равнодушно смотреть по обе стороны на непрекращающуюся чашу леса и на болота с их ужасающим животным и иным содержимым. Этот растительный фейерверк пальм и бамбуков, бамбуков и снова пальм донельзя однообразен и утомителен. Притом все это неподвижно и мертво и производит грустное впечатление чего-то бесконечно великого и могучего, действующего на сознание подавляющим образом. Кажется, и конца нет этому тропическому кошмару» [Бакунин 2007, с. 20]. Вопреки ставшим расхожими в XIX в. определениям кантовской эстетики даже великие и ужасающе могучие образы природы тут лишь подавляют сознание, воспринимаются равнодушно. «И это не есть игра расстроенного воображения – Ява действительно классическая родина разных ужасов в самых разнообразных формах и видах...», – добавляет Бакунин [Бакунин 2007, с. 21]. Опасность тропических лесов, их болезнетворность, описывается и у других путешественников, но у Г. Стэнли или С. де Бразза этим подчеркивается героизм тех, кто решится войти в глубь лесов, Бакунин же просто продолжает свой унылый путь на поезде. Вид лесов не оживляют даже экзотические животные: «Вы ожидаете, что поезд, того и гляди, переедет и задавит перебегающего через полотно дороги тигра или наскочит на мирно дремлющего грузного крокодила. Вы вправе ожидать этого, вам в Европе торжественно обещали подобный интересный инцидент. И вдруг ничего» [Бакунин 2007, с. 21]. Чуть дальше Бакунин как будто открывает, наконец, иную, не банальную сторону Явы: «Да, но банальность эта <...> только кажущаяся. Вы все же на Яве, в гнилых тропиках, в этом нет возможности сомневаться: сквозь отворенное окно в вагоне вас донимает запах или скорее сочетание запахов, которые неизменно и немилосердно будут вас преследовать за все время вашего здесь пребывания: в воздухе пахнет мокрою землею, сыростью и гнилью» [Бакунин 2007, с. 21]. Таким образом, оборотной стороной банальности оказывается не нечто яркое и живое, а «гнилые тропики», запах разложения, которым пропитано все, даже воздух в городских домах. Тем не менее это еще не конец пути, и читатель вместе с автором ждет, когда поезд прибудет в Старую Батавию. Она тоже, однако, оказывается весьма удручающей: «Маленький и жалкий деревянный вокзал, какие-то длинные и низкие одноэтажные домики, в которых помещались торговые конторы, склады, дешевые рестораны, огромные пустынные немощеные площади с такими же непривлекательными покосившимися на сторону домами, – и всюду грязь и лужи непролазные» [Бакунин 2007, с. 22]. Спутник Бакунина поясняет ему, что в этой части города голландцы только занимаются делами, а живут в другой, более новой и здоровой

части, где действительно встречаются опрятные дома. Но то, что автор принимает за предместья, оказывается самой Новой Батавией, центр которой образует «бесконечно квадратная голая и унылая площадь Koningsplein в 4 кв. километра в окружности. Это даже, строго говоря, не площадь, а пустопорожнее место, покрытое жидкой травой и превращающееся в дождливый сезон в непроходимое топкое болото» [Бакунин 2007, с. 25]. Чуть ниже пустующую большую часть дня Королевскую площадь Бакунин сравнивает с «обширным кладбищем» [там же].

Таким образом, не только на побережье, но и в лесу, и в Старой Батавии, и в самом центре новой ее части путешественник находит лишь пустоту. В отличие от более ранних авторов, Бакунин ведет читателя от одного разочарования к другому, не предлагая ничего, что могло бы компенсировать депрессивность описаний природы и образа жизни людей в Нидерландской Индии. Возможно, это объясняется обстоятельствами путешествия Бакунина – тем, что поездка в Батавию была для него отнюдь не желанной. Примечательно, однако, что Бакунин в описании яванской природы использует литературные реминисценции. Унылая однообразность окружающего сравнивается у него с «бесконечно варьирующимся, но в сущности все тем же» [Бакунин 2007, с. 20] лейтмотивом в «Проступке аббата Муре» Э. Золя. В этом романе, как и в случае с другими членами семьи Муре, речь идет о болезни, депрессии и самоубийстве. (Золя в романах о Ругон-Маккарах вообще интересовала проблема наследственности и вырождения.) Как отмечает Р. Николози [Николози 2019, с. 10], с 20-томной семейной эпопеи Золя берет начало традиция «романа о вырождении», первым опытом российской рецепции которого были уже «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Бакунин был знаком и с более новой литературой о дегенерации. Так, он читал вышедший незадолго до его отъезда в Батавию труд М. Нордау «Вырождение» (1892–1893) [Бакунин 2007, с. 49; Нордау 1995]. Все больший упадок физического и психического здоровья европейцев Нордау связывал в первую очередь с индустриализацией: возрастающая интенсивность промышленного труда не компенсируется увеличением возможностей для отдыха людей, в итоге из поколения в поколение их психическое здоровье ухудшается. По мнению Нордау, именно поэтому люди уже неспособны выносить сложность современной жизни и увлекаются разными нездоровыми идеями, вроде призывов к непосредственности действия Ф. Ницше или к радикальному опрошению у Л.Н. Толстого. Утрачивается и способность воспринимать естественно прекрасное, на смену чему приходит склонность к противоестественному в моде, искусстве, устройстве жилищ и пр. Книга Нордау была почти сразу переведена на русский язык и читалась с не меньшим интересом, чем в Европе, но при ограниченности индустриализации в России ее основная

концепция оказывалась здесь не вполне применимой и подвергалась различным модификациям. Так отмечалось, что отмена крепостного права привела к смешению разных по степени развития групп населения, к растворению более развитых среди менее развитых, и тем самым – к общей деградации [Николози 2019, с. 212–270].

Такого рода критика последствий отмены крепостного права заимствовала многие аргументы из колониальных дискуссий об опасности или, наоборот, благотворности расовых смешений. Так, один из теоретиков русского областничества Н.М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония» отстаивал благотворность расовых смешений, так как тем самым русские помогают отсталым народам подняться на более высокий уровень физического и культурного развития [Ядринцев 1882, с. 11–49]. Как отмечает Стоулер [Stoler 2002], в Нидерландской Индии, как и в других европейских колониях, к концу XIX в. преобладающими стали представления об опасности нарушения расовых границ. Долгое время Голландская Ост-Индская компания предпочитала нанимать для работы холостых мужчин, поскольку их содержание обходилось дешевле. В колониях эти мужчины обзаводились сожительницами из местных женщин, в чем долгое время не видели никакой проблемы, напротив, считалось, что туземные женщины способствуют освоению служащими компании местного языка и образа жизни. Не в последнюю очередь такие сожительства рассматривались как средство против распространения мужеложества, а также против венерических болезней, возникавших из-за связей с проститутками и вредивших работоспособности сотрудников компании. Однако к концу XIX в. такие сожительства все больше подвергались критике, для которой был целый ряд оснований. Одной из важнейших проблем, как отмечает Стоулер, была судьба оставленных после отъезда в Европу сожительниц и особенно детей от смешанных браков. Так как эти дети были пусть отчасти, но белыми, их социальная деградация угрожала престижу белой расы. Специально создававшиеся приюты были неспособны справиться со все возрастающим количеством таких детей. Соответственно оказывалось необходимым начать бороться с сожительствами и поощрять браки сотрудников компании с белыми женщинами, для чего постепенно снимаются ограничения на их приезд в колонии. Не менее важными, однако, были соображения, связанные с теорией дегенерации: тропический климат, усвоение местного образа жизни и языка ведут к тому, что мужчины-европейцы в колониях деградируют до уровня местных жителей. Привязанность к местным женщинам лишь способствует этому. Такого рода соображения способствовали, по мнению Стоулер, утверждению в Нидерландской Индии на рубеже XIX–XX вв. более жесткой расовой сегрегации. Брак с белой женщиной требовал соответствующего буржуазного устройства дома, что было более затратно, но одновременно в большей мере, чем раньше,

способствовало поддержанию престижа белого человека. Европейцы со своими семьями стали не только селиться отдельно от туземцев в обособленных кварталах; одновременно вводятся ограничения на доступ местных жителей в эти кварталы и жестокие наказания за нарушение таких правил. Обосновывались они не в последнюю очередь необходимостью защиты белых женщин от сексуальных посягательств со стороны цветных мужчин, якобы не вполне способных контролировать свои желания. Наказания, как отмечает Стоулер, вводились независимо от того, были ли реальные случаи изнасилований, что указывает на воображаемый характер угрозы, имевшей, однако, реальные последствия, а именно, ухудшение отношений европейцев с местным населением, в отношении которого вводились все новые репрессивные меры. Тем самым политика, направленная на стабилизацию колониального порядка, одновременно способствовала его подрыву. Кроме того, колониальное общество требовало от белых женщин вести себя соответственно представлениям о престиже белого человека, и вследствие этого в колониях стали искусственно культивировать крайне консервативные формы семейной жизни, что оказывало в дальнейшем влияние и на общество метрополии. Схожие тенденции были характерны и для других европейских колоний [Мирзеханов 2014, с. 43–44].

Можно ли найти признаки этих начинающихся изменений в записках Бакунина, написанных как раз в середине – второй половине 1890-х годов? Как мы видели, в его описаниях природы сразу по прибытии, Нидерландская Индия предстает как край депрессивный, гниющий и разлагающийся, и в тех же тонах выдержаны описания городской топографии, центром которой оказывается огромная и кладбищенски пустынная Королевская площадь. Примечательно, что с самого начала Бакунин противопоставляет себя местным голландцам, которые привыкли к грязи, неопрятности, вездесущему запаху гнили, и потому как бы утратили свое качество европейских людей: «Я смотрел по сторонам и дивился: куда же девалась образцовая голландская опрятность; неужели голландцы, столь щепетильные и аккуратные, освоились с этими непривлекательными условиями, с этою мизерной, почти постыдной обстановкой и не предпринимают ничего, чтобы хоть несколько очистить эти авгиевы конюшни?» [Бакунин 2007, с. 23]. На протяжении всего своего пребывания на Яве Бакунин будет стремиться избежать такой деградации, пытаться утверждать им собственное культурное превосходство. В частности, это проявляется в специфическом восприятии им телесных практик жителей Батавии. Описывая способы передвижения по городу, Бакунин отмечает одну комическую, на его взгляд, особенность: кучер или человек на запятках местных экипажей могут быть одеты в пышные ливреи и иметь на головах цилиндры, но обязательно будут босиком. Этот странный обычай Бакунин объясняет тем, что «отсутствие обуви у туземцев возведено голландцами чуть ли не

в административно-правительственный принцип, не лишенный глубокого политического смысла: голландцы и метисы, белые вообще, да, пожалуй, еще китайцы, считающие себя высшею после белых расою, одни имеют право и преимущество носить обувь. Обувь – это привилегия белого человека, это отличительный внешний признак, по которому узнают, что обутый субъект принадлежит к благородному сословию господ победителей» [Бакунин 2007, с. 29]. Бакунин выстраивает свое повествование, сначала представляя читателю странный комический обычай, а потом давая его объяснение, и такого рода выстраивание интриги через отстранение довольно типично для ориенталистской литературы. Однако в описании Бакунина есть одна особенность, он добавляет: «На меня вообще неприятно и даже отталкивающим образом действует вид необутой ног; и я к этой босой команде на Яве никогда, кажется, не в состоянии буду привыкнуть» [Бакунин 2007, с. 29]. Знак победы голландцев и их расового превосходства оборачивается тут знаком их поражения и деградации. Они опустились до того, что воспринимают босоноготь туземцев как нормальное явление, с чем российский консул не может смириться, и дело тут, конечно, не в индивидуальном отвращении к босым ногам, а в том, что Бакунин (а вместе с ним, как подразумевается, и российские читатели) выступает носителем европейских представлений о приличиях, которые здесь, на Яве, оказались утрачены. Местные голландцы не только смирились с грязью и запахами, но и утратили здоровое отвращение по отношению к тем частям тела, которые следует скрывать.

Подобно тому как Нордау видел признаки вырождения в утрате здорового чувства несоответствия между инородными частями целого, так и Бакунин отмечает далее, комментируя облик прислуги генерал-губернатора: «Точь-в-точь какой-нибудь господин в халате на босу ногу, но с эффектным и непременно экзотичным орденом на шее» [Бакунин 2007, с. 29]. Подобным образом дикими несоответствиями отличается и манера питания индо-голландцев: «Достаточно, например, указать на следующую, уму непостижимую, комбинацию: сосиски с жареными ананасами, соус к ним сладкий с корицею, а в виде добавления подаются красная шинкованная капуста и картофель» [Бакунин 2007, с. 47].

Сразу после рассказа о босоногости туземцев Бакунин переходит к, казалось бы, совсем иного рода теме языковой политики: голландцы запрещают туземцам не только носить обувь, но и учить голландский язык, и этим здешняя колониальная политика принципиально отличается от британской. Британцы «считают, что говорить с туземцем на его родном языке – это делать ему, рабу презренному, слишком большую честь. У них прислуга и вообще туземцы изучают язык своих повелителей и говорят со своими господами по-английски» [Бакунин 2007, с. 29]. Бакунин поначалу отмечает, что у обоих подходов, голландского и английского, есть свои преимущества, но затем

указывает на главное различие, делающее для него голландскую модель в итоге совершенно неприемлемой: британцы не допускают расовых смешений, и любой европеец, женившийся на туземной женщине, немедленно бойкотируется своими соотечественниками; голландцы же, цепляясь за второстепенные отличия, вроде обуви и языка, не только сожительствуют с местными женщинами, но и берут их в законные жены. Лица смешанного происхождения достигают высоких позиций в армии и на гражданской службе, а их жены «цвета шоколадного пряника, с выдающимися скулами» [Бакунин 2007, с. 30] принимаются в обществе. «В результате получается полное *ensanaillement*, голландцы нисходят со своего искусственно возведенного пьедестала культурности и величия и при этом удивляются, что прислуга, например, до крайности распушена, никакого уважения к господам не имеет и проч.» [Бакунин 2007, с. 30]. Здесь в тексте Бакунина мы встречаем ровно те темы, о которых писала Стоулер: обсуждаются ведущие к деградации межрасовые сожительства и браки, а также распушенность имеющих доступ в дома белых людей цветных слуг, недостаточно серьезно воспринимающих расовые границы.

Таким образом, от голых ног Бакунин довольно быстро приводит читателей к обсуждению общих вопросов колониальной политики и мер по предотвращению вырождения белых. При этом русский наблюдатель, отстраненно разглядывающий общество Батавии, оказывается хранителем подлинных европейских ценностей, способным оценить всю степень падения голландцев. Европейскость Бакунина проявляется физиологически, в непреодолимом отвращении при виде голых ног; эстетически, в неприятии женщин с выступающими скулами в приличном обществе; и морально, в осуждении «*ensanaillement*» – превращения голландцев в «каналей». Можно сказать, что Бакунин здесь использует аргументы, которые, как показала Стоулер, на рубеже XIX–XX вв. стали использоваться в дискуссиях о колониальной политике самими голландцами, но если у Стоулер речь идет всегда о противопоставлении двух сторон, белых и цветных, то Бакунин выделяет принципиальные для него градации европейскости, так что мир местных голландцев оказывается для него чуждым: «Точек соприкосновения между нами нет, и мы друг друга не понимаем» [Бакунин 2007, с. 38].

Упадок нравов голландцев проявляется не только в облике их слуг, но и в их собственной манере одеваться: «Меня <...> на первых же порах поразили общие распушенность и халатность, присущие здесь в одинаковой степени как мужчинам, так равно и дамам даже на улице. Я не знаю ничего безобразнее и неприличнее общепринятого здесь европейцами домашнего костюма: мужчины носят на босу ногу широчайшие яванские панталоны из бумажной ткани с яркого цвета полосами и разводами; поверх этого надевается женская кофта (кабайя) из белого колленкора и – больше ничего. Дамы еще сильнее

поражают элементарностью своего наряда. <...> Я нахожу подобную tenue (манеру) верхом безобразия и безвкусыя, не говоря уже о том, что эти голые ноги и икры, свободно выставляемые напоказ, просто неприличны» [Бакунин 2007, с. 32]. Здесь еще более остро, чем в случае с голыми ногами слуг, ставится проблема утраты в колониях цивилизованных представлений о приличиях. Ставшие обычными непристойности портят даже тех, кто должны быть воплощением чистоты: «Особенно странно и дико видеть девочек, часто 13 и 14 лет, вполне уже улегшихся в окончательную и притом грузную форму голландской мефрау. Удивляешься и руками разводишь, когда эти, почти уже взрослые, подростки, не стесняясь бегают у себя в саду или даже выходят на улицу босиком, в какой-то кратчайшей не то блузе, не то рубашонке поверх панталон. Часто эта последняя принадлежность туалета отсутствует вовсе, вместе с чулками» [Бакунин 2007, с. 32].

Чрезмерная раздетость, по мнению Бакунина, плоха также тем, что представляет на всеобщее обозрение некрасивые тела голландских девушек с их «массивными пропорциями», которые в тропическом климате развиваются особенно сильно. Всеми видимые телесные уродства дополняют таким образом уродства в одежде, что способствует еще большей утрате цивилизованного вкуса. Особенное возмущение вызывает склонность голландских женщин носить легкие туземные саронги: «Тяжеловесные же голландские матроны... производят в подобном снаряжении просто отталкивающее впечатление» [Бакунин 2007, с. 32]. «И хорошо бы, если б дамы таким образом раздевались у себя дома. А то нет, они с босыми ногами, в кофте и саронге являются в отелях к завтраку, посещают магазины, делают в экипажах утренние визиты...» [Бакунин 2007, с. 32]. Таким образом, моральной распушенности соответствует телесная, при этом то что русскому наблюдателю, воплощающему собой европейские стандарты цивилизованности, кажется диким, для местных голландцев с самого детства оказывается обычным. Бакуниным здесь снова проводится мысль о том, что одной из причин столь прискорбной ситуации оказывается открытость местной культуре, заимствование туземных элементов одежды и образа жизни.

Утрата представлений о приличиях проявляется и во многих других аспектах поведения, в частности в том, что голландцы не отдают визитов или нарушают все приемлемые сроки для этого [Бакунин 2007, с. 33]. Такое поведение Бакунин связывает с общей склонностью голландцев к неподвижности. В отличие от англичан, играющих в самом знойном климате в любое время суток в подвижные игры [Бакунин 2007, с. 41], голландцы предпочитают как можно больше лежать в креслах, вытянув голые ноги: «Лежат они по целым часам в созерцательном безмолвии, задравши босые ноги на длинные выдвижные ручки сидения и покуривая сигару, которую не выпускают изо рта» [Бакунин 2007, с. 31]. Лежа в креслах, «голландцы проводят, среди тупого

созерцания своих необутых ног, три четверти своего существования» [Бакунин 2007, с. 44]. Бакунин здесь снова в большей степени симпатизирует активным англичанам, к которым русский наблюдатель оказывается ближе по своему характеру: ему, как и им, непонятна голландская склонность к безделью. Впрочем, в другом случае как раз англичанин оказывается примером дегенерации, заслуживающим внимания Нордау [Бакунин 2007, с. 49].

Бакунин стремится представить свои оценки колониальной повседневности не как особенные и субъективные, а как такие, которые разделит бы с ним любой настоящий европеец, поэтому он то и дело выступает от лица вообще «иностранцев» или настоящих консулов европейских стран, противопоставляя их исполняющим консульские обязанности местным голландцам. Бакунин претендует также и на то, чтобы говорить от имени русских людей, и в этой связи примечательны постоянные отсылки к общему жизненному опыту петербургских жителей. Так, когда речь заходит о местной еде, Бакунин пишет: «С бананами читатель, полагаю, знаком, а если нет, он может приобрести несколько экземпляров у Елисеева, по 15–20 копеек за штуку, и петербургские бананы окажутся не хуже индо-голландских» [Бакунин 2007, с. 48]. В других местах текста барки на ведущих в гавань каналах сравниваются с теми, что можно видеть на Фонтанке, лучшая гостиница Батавии сопоставляется с петербургским Гостиным двором и т.п. Б. Андерсон писал [Андерсон 2001, с. 49–55] о таких обращениях к общему опыту читателей, к особенностям городской топографии и повседневной жизни как о конструировании в литературе коллективного «мы», выступающего основанием националистических идеологий. При этом, отмечал Андерсон, топография столицы может выступать образом национального пространства вообще. Можно сказать, что Бакунин не только пытается создать оригинальный текст, своеобразно перерабатывает в нем общие места более ранней ориенталистской литературы, но и стремится говорить от имени коллективного «мы», как если бы вся петербургская, а вместе с ней и вся русская (приличная), публика точно так же наблюдала бы за жизнью голландцев, то и дело разводя руками и испытывая омерзение. Если в исследованиях Стоулер речь шла о культивировании в колониях консервативных норм сексуальности, которые потом переносятся в метрополию, то в тексте Бакунина можно увидеть гораздо более широко понимаемую европейскую идентичность, которая предлагается русскому читателю на основании колониального опыта, включающего в себя и устройство городов, и манеру одеваться, и привычки в еде, и увеселения, и мн. др.

При всем своеобразии «Тропической Голландии» эта книга не уникальна, близко по времени выходят и другие сочинения, посвященные как Нидерландской Индии, так и другим европейским колониям, сочиненные российскими авторами и переводные, в которых прямо или подспудно говорится об

уроках колониальной жизни для культуры европейских стран. Таким образом, не только собственный колониальный опыт на Кавказе, в Сибири или Средней Азии был важен для формирования имперских культурных идентичностей в России; имело значение также соизмерение себя с опытом других народов, даже в таких отдаленных местах, как Нидерландская Индия. У Стоулер рассматривалось главным образом влияние индо-голландской культуры на культуру Нидерландов, но, как можно увидеть, это влияние проявлялось и в других странах, в частности в России, где осмысливалось исходя из имеющих давнюю историю сложностей в соотношении собственной культуры с европейской. Скептически настроенный читатель может усомниться, будут ли петербургские бананы, даже купленные у Елисеева, непременно вкуснее тропических индо-голландских, но, как бы то ни было, текст Бакунина выстраивает идеализированные противопоставления своего и чужого, так что в нем «сочиняется» не только колониальный мир, но также и европейский с русским. В этом плане можно согласиться с канадскими антропологами Джоном и Джин Комарофф [Comaroff, Comaroff 1997, с. 274–286], писавшими о том, что не было готовых моделей европейской культуры, переносившихся в колонии; эти идеализированные модели изобретались в ходе самого процесса колонизации и оказывали затем обратное воздействие на жизнь метрополий в виде призывов к распространению цивилизации на рабочих окраинах и т.п., следует подчеркнуть, что хотя довольно трудно судить о реальном воздействии книги Бакунина на умы его российских современников, логика «колониального бумеранга» вписана в структуру его повествования.

Библиография

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. М.: Минувшее, 2007. 429 с.
- Готье Т. Путешествие на Восток. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 342 с.
- Джераси Р. Окно на Восток: Империя, нация и религия в России. М.: НЛЮ, 2013. 546 с.
- Мирзеханов В.С. Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18 (140). С. 38–53.
- Нерваль Ж. де. Путешествие на Восток. М.: Наука, 1986. 445 с.
- Николози Р. Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX в. М.: НЛЮ, 2019. 512 с.
- Нордау М. Вырождение // Нордау М. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. С. 21–328.
- Савицкий Е.Е. Демоны в зоопарке. Современное искусство и колонизация Севера в России 1890-х гг. // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 260–284.
- Саид Э. Ориентализм. М.: Русский мир, 2006. 639 с.

Шевеленко И. Модернизм как архаизм. Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: НЛЮ, 2017. 334 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2013. 443 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. XI. 470 с.

Comaroff J.L., Comaroff J. Of revelation and revolution. Vol. 2. The dialectics of modernity on a South African Frontier. Chicago: Univ. of Chicago press, 1997. XXIV. 588 p.

Stoler A.L. Along the archival grain. Epistemic anxieties and colonial common sense. Princeton: Princeton univ. press, 2009. 314 p.

Stoler A.L. Carnal knowledge and imperial power: Race and intimate in colonial rule. Los Angeles: Univ. of California press, 2002. 328 p.

Stoler A.L. Race and education of desire: Foucault's History of Sexuality and the Colonial Order of Things. Ithaca: Duke univ. press, 1995. 254 p.

References

Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. Leningrad: Verso, 1983. 160 p. (In Russ.)

Bakunin M.M. Tropical Holland. Five years on the island of Java. Moscow: The past, 2007. 429 p. (In Russ.)

Comaroff J.L., Comaroff J. Of revelation and revolution. Vol. 2. The dialectics of modernity on a South African Frontier. Chicago: Univ. of Chicago press, 1997. XXIV, 588 p.

Etkind A. Internal colonization. Russia's imperial experience. N.Y.: Polity press, 2011. 264 p. (In Russ.)

Gautier T. Constantinople. Paris: Charpentier, 1891. 364 p.

Geraci R.P. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell univ. press, 2001. 389 p.

Mirzekhanov V.S. Europeans in the colonies: lifestyle and mentality peculiarities. Vestnik of RSUH. Series: Political science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies. 2014. No. 18 (140). P. 38–53. (In Russ.)

Nerval G. de. Voyage en Orient. Vol. 1. Paris: Charpentier, 1851. 254 p.

Nikolosi R. Degeneration erzählen. Literatur und Psychiatrie im Russland der 1880 er und 1890 er Jahre. Paderborn: W. Fink, 2017. 410 S.

Nordau M. Entartung. 3. Aufl. Bd. 1. Berlin: Karl Duncker, 1896. 442 S.

Said E. Orientalism. Moscow: Russian World, 2006. 639 p. (In Russ.)

Savitsky E.E. Demons in the Zoo. Contemporary Art and Colonization of the North in Russia in the 1890 s. New Literary Review. 2017. No. 2 (144). P. 260–284. (In Russ.)

Shevelenko I. Modernism as archaism. Nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia. Moscow: UFO, 2017. 334 p. (In Russ.)

Stoler A.L. Along the archival grain. Epistemic anxieties and colonial common sense. Princeton: Princeton univ. press, 2009. 314 p.

Stoler A.L. Carnal knowledge and imperial power: Race and intimate in colonial rule. Los Angeles: Univ. of California press, 2002. 328 p.

Stoler A.L. Race and education of desire: Foucault's History of Sexuality and the Colonial Order of Things. Ithaca: Duke univ. press, 1995. 254 p.

Yadrintsev N.M. Siberia as a Colony. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasulevich, 1882. XI. 470 p. (In Russ.)